

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Бандитизм: понятие, признаки, виды, вопросы квалификации»

Студент

Д.Е. Куликов

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, О.Ю. Савельева

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2020

Росдистант

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

Аннотация

Актуальность данной бакалаврской работы заключается в том, что бандитизм является одним из опаснейших проявлений организованной преступности. В процессе организации устойчивых вооруженных групп совершаются иные особо тяжкие преступления (незаконный оборот оружия, захват заложников, убийства и т.д.).

Несмотря на неоднократные разъяснения Верховного Суда РФ признаков бандитизма, квалификация данного состава до сих пор вызывает существенные затруднения.

Необходимо отметить некоторую особенность состава бандитизма, влияющую на общественную опасность – это количество совершенных бандой преступлений различной направленности.

Целью исследования является выявление комплекса законодательных и правоприменительных проблем, возникающих в процессе реализации уголовной ответственности за бандитизм, теоретическая разработка путей их разрешения.

Задачами исследования являются:

- исследовать специфику уголовно-правовой природы бандитизма как формы проявления организованной и профессиональной преступности, сосредоточив внимание на следующих аспектах: понятие, признаки и особенности бандитизма по уголовному законодательству РФ; классификация бандитизма на виды; критерии отграничения бандитизма от смежных составов преступлений;
- рассмотреть современные проблемы дифференциации ответственности за бандитизм в правоприменительной практике.

Структура бакалаврской работы обусловлена целью и задачами исследования, и состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Понятие, признаки и виды бандитизма.....	7
1.1 Понятие и признаки бандитизма	7
1.2 Виды бандитизма	13
1.3 Ответственность за бандитизм по зарубежному законодательству	19
Глава 2 Вопросы квалификации бандитизма	26
2.1 Квалификация бандитизма в зависимости от объективных признаков	26
2.2 Квалификация бандитизма в зависимости от субъективных признаков ..	31
2.3 Отграничение бандитизма от смежных составов преступлений	40
Заключение	49
Список используемой литературы и используемых источников.....	52

Введение

Актуальность выбранной мною темы бакалаврской работы обусловлена рядом факторов, а именно:

Бандитизм является одним из опаснейших проявлений организованной преступности. В процессе организации устойчивых вооруженных групп совершаются иные особо тяжкие преступления (незаконный оборот оружия, захват заложников, убийства и т.д.).

Несмотря на неоднократные разъяснения Верховного Суда РФ признаков бандитизма, квалификация данного состава до сих пор вызывает существенные затруднения.

Необходимо отметить некоторую особенность состава бандитизма, влияющую на общественную опасность – это количество совершенных бандой преступлений различной направленности. Статистика показывает, организованными группами и преступными сообществами:

- в 2011 году совершено 16,9 тяжких и особо тяжких преступлений,
- в 2012 году совершено 17,3 тяжких и особо тяжких преступлений,
- в 2013 году 16,6 тяжких и особо тяжких преступлений,
- в 2014 году 13,5 тяжких и особо тяжких преступлений,
- в 2015 году - 13, 3 тяжких и особо тяжких преступлений,
- в 2016 году – 9,6 тяжких и особо тяжких преступлений,
- в 2017 году – 8,7 тяжких и особо тяжких преступлений.

В 2019 году количество преступлений, совершенных организованными группами, выросло в 2019 году на 3,1%, до 15,6 тысячи.

При этом, удельный вес таких деяний в общем числе расследованных преступлений этих категорий увеличился с 7,1% в 2018 году до 7,4% в 2019 году [41].

Неоднозначность и спорность толкования различных аспектов бандитизма приводит к несовершенству законодательной конструкции

уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за бандитизм.

Степень разработанности темы. Проблемы уголовной ответственности за бандитизм занимались и занимают многие видные отечественные специалисты в области юриспруденции, а именно: Р.Р. Галиакбаров, В.С. Комиссаров, А.В. Сальников, Т.Д. Устинова и другие.

Объект исследования составили общественные отношения, возникающие в связи с уголовно-правовым противодействием бандитизму как одному из опаснейших проявлений преступности против общественной безопасности.

Предметом исследования является комплекс уголовно-правовых норм, обеспечивающих такое противодействие, в том числе нормы современного российского уголовного законодательства о бандитизме, материалы судебной практики, данные официальной статистики.

В соответствии с выделенными объектом и предметом исследования может быть сформулирована его **цель**: выявление комплекса законодательных и правоприменительных проблем, возникающих в процессе реализации уголовной ответственности за бандитизм, теоретическая разработка путей их разрешения.

Для достижения указанной цели поставлены и решены следующие **задачи**:

- исследовать специфику уголовно-правовой природы бандитизма как формы проявления организованной и профессиональной преступности, сосредоточив внимание на следующих аспектах: понятие, признаки и особенности бандитизма по уголовному законодательству РФ;
- классификация бандитизма на виды; критерии отграничения бандитизма от смежных составов преступлений;
- рассмотреть современные проблемы дифференциации ответственности за бандитизм в правоприменительной практике.

Методологическую базу исследования составили:

а) общенаучные методы познания:

- 1) анализ,
- 2) синтез,
- 3) индукция,
- 4) дедукция,

б) частно-научные методы:

- 1) системный,
- 2) историко-правовой,
- 3) сравнительно-правовой
- 4) и др.

Нормативно-правовую основу исследования составили: Конституция РФ, нормы действующего российского уголовного законодательства о бандитизме.

Структура исследования. Работа включает в себя: введение, две главы, включающих в себя шесть параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие, признаки и виды бандитизма

1.1 Понятие и признаки бандитизма

Термин «бандитизм» (от итал. *Bandito* - разбойник) применяется по отношению к одному из наиболее опасных преступлений против общественной безопасности.

Согласно норме ст. 209 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), бандитизм определяется как «создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации, а равно руководство такой группой (бандой)» [46].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. №1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» (далее – Постановление Пленума ВС РФ от 17.01.1997г. № 1) раскрывается не только понятие банды, но и признаки, характеризующие все элементы данного состава преступления, что способствует единообразному пониманию некоторых оценочных понятий в составе бандитизма [35].

При том, что в Постановлении Пленума ВС РФ от 17.01.1997г. № 1 дается характеристика банды, определяются признаки, характеризуются элементы состава данного преступления, в уголовно-правовой литературе существуют различные взгляды на совокупность признаков, детерминирующих сущность банды.

К примеру, В.М. Харзинова придерживается мнения, что определяющим признаком является групповая сплоченность, основанная на следующих факторах:

- «круговая порука»;
- конспирация;
- наличие общей кассы;
- использование специальных технических средств» [53, с. 20].

Совокупность признаков банды, определенных в Постановлении Пленума ВС РФ от 17.01.1997г. №1, представлена следующим перечнем характеристик:

- множественность участников: наличие двух и более лиц в составе группы;
- устойчивость;
- наличие специальной цели - нападения на граждан и организации;
- вооруженность [35].

Детализируя признаки, можно отметить существование разночтений в вопросе о количестве членов банды, которое подпадает под перечисленные критерии.

Признак множественности участников вызывал споры еще в 19 в.: каково должно быть минимальное число участников организованной преступной группы: Н. С. Таганцев считал, что под данный критерий подпадает группа, в которой участвует не менее трех человек, хотя в отдельных преступлениях могут участвовать два человека [42, с. 9].

Эту позицию разделяют и некоторые современные авторы; так, Л.В. Глазкова понимает под организованной группой устойчивую группу из трех и более лиц, «заранее объединившихся для совершения нескольких преступлений» [11, с. 45].

Итак, наряду с постулируемой официальной точкой зрения о минимуме членов банды – 2 человека, существует тенденция к увеличению такого минимума до 3-х членов; такая позиция обоснована стремлением упростить разграничение организованной преступной группы от группы лиц по предварительному сговору.

Это означает появление еще одного формального критерия, который легко установить в процессе квалификации преступления. Кроме того, изменение количественного признака приведет к унификации данной нормы с Конвенцией Организации Объединенных Наций против транснациональной преступности. В данном акте указано, что под «организованной преступной

группой» понимается «структурно оформленная группа в составе трех и более лиц, существующая в течение определенного периода времени и действующая согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений» [51].

Само понятие «банда» основано на дореволюционном понятии «шайка», которое подразумевало группу из трех и более человек.

А.В. Сальников приводит в пользу такой позиции следующие довод: по результатам проведенного им исследования из 270 приговоров за период с 2000 - 2016 гг. было отмечено лишь 18 случаев, когда банда состояла из двух лиц; в остальных случаях количество участников было равно трем и более лицам, т.е. их доля составила 6,7 % [39, с. 38].

В. П. Дукарт пошел дальше: он указывает, что банды преимущественно из четырех-шести лиц [14, с. 184].

Итак, в настоящее время существует тенденция к изменению количественного состава банды как характеризующего признака банды.

Следующим конститутивным признаком для организованной преступной группы является устойчивость.

Данный признак детализирован в Постановлении Пленума ВС РФ от 17.01.1997г. №1 довольно расплывчато: называются такие признаки, как «стабильность ее состава и организованных структур, сплоченность ее членов, постоянство форм и методов преступной деятельности» [35].

Эта позиция дает возможность по-разному трактовать содержание категории устойчивости, что приводит к отсутствию единой точки зрения на нее в доктрине.

Среди признаков, позволяющих определить содержание критерия устойчивости, разные авторы в различные периоды предлагали учитывать такие, как:

- число запланированных преступлений (А.А. Герцензон, В.Д. Меньшагин, А.А. Пионтковский);

- неоднократность совершения преступных действий, относительную непрерывность в совершении преступных деяний (Ю.Б. Мельникова, Т. Д. Устинова) [48, с. 115];
- наличие трёх обязательных компонентов: предварительной договорённости о совершении нападений, более или менее длительного времени существования и организованности группы (В. Ю. Стельмах);
- наличие двух или более человек; единый умысел; постоянство форм и методов; длительность существования группы; наличие организатора (руководителя) преступной группы (Е.А. Гришко) [12, с. 15];
- «1) длительный по времени или интенсивный за короткий промежуток во времени период преступной деятельности группы, складывающийся из значительного числа преступлений, совершенных участниками группы; 2) со организованность участников группы; 3) относительно стабильный состав участников группы; 4) постоянство форм и методов преступной деятельности» (А. В. Шекслер) [55, с. 56];
- признак систематичности, основанный на критериях длительности и множественности (Р. Р. Галиакбаров) [10, с. 57].

Данная позиция отражена в п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 17.01.1997г. № 1, согласно которому об устойчивости банды могут свидетельствовать, в частности, такие признаки, как стабильность ее состава, тесная взаимосвязь между ее членами, согласованность их действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, длительность ее существования и количество совершенных преступлений [35].

По мнению А. В. Сальникова основным признаком устойчивости банды является именно критерий множественности преступлений. Автор считает необходимым внести соответствующее изменение в диспозицию ст. 209 УК РФ [39, с. 38].

Однако такая позиция представляется необоснованной и противоречит положениям ч. 3 ст. 35 УК РФ, где говорится о том, организованная группа (а банда, исходя из содержания ч. 1 ст. 209 УК РФ, относится к одному из виду организованных групп) может создаваться как для совершения нескольких, так и одного преступления. Кроме того, о возможности создания банды для совершения одного, но тщательно подготовленного преступления, говорится в п. 2 Постановления Пленума ВС РФ от 17.01.1997г. №1 [35].

Что касается указания на тщательность подготовки, то данный критерий не позволяет отграничить преступление, совершенное организованной группой, от преступления, совершенного группой лиц по предварительному сговору.

Очевидно, что сам критерий «преступление, требующее тщательной подготовки», является оценочным и толкуется судами по-разному, что не способствует единообразной практике применения нормы об ответственности.

Иной является оценка критерия наличия организатора и руководителя: очевидно, что это две (или одна в двух ипостасях) ключевые фигуры в банде.

Совершенно не оправдана в этом отношении позиция Верховного Суда РФ, представленная в Кассационном определении от 10 октября 2013 г. № 81-О13-33: суд указал, что участники банды могут быть равноправными партнерами при совершении конкретных преступлений [19].

Одним из ключевых признаков данного преступления является наличие преступной цели.

Согласно диспозиции ст. 209 УК РФ целью создания вооружённой банды является нападение на организации и граждан. Целевой компонент зачастую позволяет отграничить бандитизм от иных смежных ему составов. Если, скажем, организатор какого-то объединения вооруженных людей призывает членов группы защитить общую собственность, то эта группа не может называться бандой.

Нападение становится таковым при условии наличия реальной опасности немедленного применения насилия.

Согласно определению А.М. Васильева, нападение трактуется как «агрессивное противоправное действие, совершаемое с какой-либо преступной целью и создающее реальную и непосредственную опасность немедленного применения насилия как средства достижения этой цели» [8, с. 38].

В. С. Комиссаровым предложена следующая формулировка: «создание обстановки опасного состояния, в пространственных и временных границах которого сохраняется угроза применения насилия к неопределенно широкому кругу лиц» [21, с. 46].

Т.И. Нагаева включает в состав нападения такие элементы, как неспровоцированное противоправное открытое внезапное насильственно-агрессивное действие на потерпевшего или на объекты, указанные в законе, направленное на достижение преступной цели [28, с. 18].

Перечисленные пункты позволяют выделить комплекс признаков, характерных для нападения при бандитизме:

- неспровоцированное и агрессивное действие;
- ориентированность на достижение преступного результата;
- сопряженность с применением насилия (как физического, так и психического).

Обязательным признаком банды является ее вооруженность: именно с наличием оружия и готовностью к его применению во время нападения многие авторы связывают повышенную общественную опасность бандитизма по сравнению с другими формами организованной преступной деятельности.

Практически это означает, что для привлечения лиц к ответственности по ст. 209 УК РФ правоохрнительным органам необходимо установить факт вооруженности хотя бы одного члена банды при условии осведомленности других членов банды о наличии оружия и возможности его применения.

Согласно п. 5 Постановления Пленума ВС РФ от 17.01.1997 г. № 1 вооружённость предполагает «наличие у участников банды огнестрельного или холодного, в том числе метательного, оружия, как заводского изготовления, так и самодельного, различных взрывных устройств, а также газового и пневматического оружия» [35].

Во избежание ошибок рекомендуется при решении вопроса о признании оружием предметов, используемых членами банды при нападении, следовать положениям Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» [49], а также прибегать к помощи экспертов.

В законе перечислены виды оружия в соответствии с целями его применения:

- гражданское;
- служебное;
- боевое ручное стрелковое и холодное [49].

1.2 Виды бандитизма

Согласно ст. 209 УК РФ бандитизм предусматривает четыре разновидности:

- создание вооружённой банды (ч. 1 ст. 209 УК);
- руководство бандой (ч. 1 ст. 209 УК);
- участие в банде (ч. 2 ст. 209);
- участие в совершаемых бандой нападениях (ч. 2 ст. 209) [46].

Форма создания банды может трактоваться двояко:

- как процесс создания банды;
- как конечный результат этого процесса.

В Постановлении Пленума ВС РФ от 17.01.1997г. №1 дополнительно указано, что в случае, если активные действия лица, направленные на создание устойчивой вооруженной группы, по тем или иным

обстоятельствам, не зависящим от него, не приводят к возникновению банды, их необходимо квалифицировать как покушение на создание банды [35].

Аналогичную позицию занимает и уголовно-правовая доктрина. К примеру, В.Н. Винокуров, проводя сопоставительный анализ ст. 209 и ст. 279 УК РФ, констатирует, что «создание банды как вооруженной устойчивой группы, посягающее на такой объект, как общественная безопасность, рассматривается как результат» [9, с. 97].

В данной связи возник ряд вопросов насчет определения момента завершения процесса создания банды. Этот аспект важен для разграничения действий, направленных на создание банды, и действий, которые совершены уже созданной бандой.

Т.Д. Устинова настаивает на том, что «создание банды охватывает любые действия по подбору ее участников, приобретение оружия, которые завершились образованием устойчивой вооруженной группы для совершения нападений на граждан или организации» [48, с. 37].

Аналогичным образом формулирует признаки, характеризующие момент окончания преступления, и Верховный Суд РФ. Так, в Апелляционном определении Верховного Суда РФ от 13 ноября 2014 г. № 46-АПУ14-39 отмечено, что под созданием банды следует понимать совершение любых действий, результатом которых является образование организованной устойчивой вооруженной группы в целях нападения на граждан либо организации.

Такие действия могут выражаться в сговоре, приискании соучастников, финансировании, приобретении оружия и т.п.

Руководство бандой подразумевает принятие решений, связанных как с планированием, материальным обеспечением и организацией преступной деятельности банды, так и с совершением ею конкретных нападений.

Форма участия в банде подразумевает выполнение ряда действий в ходе непосредственного участия в совершаемых ею нападениях, а также

иных активных действий, направленных на ее финансирование, обеспечение оружием, транспортом, подыскание объектов для нападения и т.п.» [2].

Следует выделять два варианта создания банды:

- непосредственное образование ее как устойчивой группы;
- трансформация (перерастание) преступной группы в банду в ходе ее преступной деятельности [39, с. 82].

Явление трансформации группы, ранее занимавшейся видами преступной деятельности, не предусмотренными ст. 209 УК РФ, в ходе осуществления противоправных действий разного рода, в банду, означает ее качественное изменение.

Причинами такой трансформации могут быть: изменение приоритетов у лиц, возглавляющих банду, либо у её участников. Внешними проявлениями такой смены приоритетов являются: устойчивость, вооруженность, а также специальная цель – осуществление нападений на граждан и организации.

Изложенную доктринальную позицию по данному вопросу поддерживает и судебная практика. Так, Верховный Суд РФ в Апелляционном определении от 28 января 2015г. №23-АПУ14-14 указал: «если члены незаконных вооруженных формирований, объединившись в устойчивую вооруженную группу (банду) в целях нападения на граждан или организации, участвуют в совершаемых ею нападениях, их действия следует квалифицировать по ст. 209 УК РФ» [3].

Следующим проблемным моментом является обоснование отнесения бандитизма к длящимся преступлениям.

К данной категории традиционно относят две большие группы деяний:

- уклонение лица от выполнения возложенных на него законом обязанностей (ст. ст. 157, 177, 198, 199, 314, 328 УК РФ) и хранение запрещённых, изъятых из свободного обращения предметов (ст. ст. 220, 222, 228, 234 УК РФ и др.) [46];
- преступления, связанные с незаконным ограничением свободы потерпевшего (ст. ст. 126, 127, 128, 301 УК РФ и др.) [46].

Н.Н. Куличенко, в частности, предполагает, что к этому перечню следует причислить и бандитизм [24, с. 84].

Однако с такой точкой зрения трудно согласиться: иначе пришлось бы выделить в составе классификации форм бандитизма группу преступлений, выражающихся в участии в противозаконных объединениях.

Противоречивой представляется позиция В.Н. Кудрявцева, который, с одной стороны, признавал бандитизм длящимся преступлением, а с другой - отмечает, что длительность таких преступлений «образуется не за счёт первоначального акта, а за счёт последующего бездействия, продолжающегося вплоть до задержания преступника или до отпадения какого-либо из элементов состава» [39, с. 88].

Однако при бездействии вряд ли возможно, бездействуя, разрабатывать планы нападения или приобретать оружие, нападать на граждан и организации и т.п.

Более того, сам характер преступной организации, конспиративный и изначально незаконный, исключает пребывание в ней, не сопряжённое с совершением конкретных преступлений, поскольку, даже находясь в состоянии ожидания «дела», спланированного руководителем, возможно состояние, когда банда готовится к совершению преступления.

В связи с этим возникают рекомендации некоторых учёных криминализовать «не имеющее очевидных (правовых) признаков дисфункционального (преступного) поведения простое (голое) участие в преступном объединении» и усматривать «ключ к эффективной борьбе с организованной преступностью» в привлечении к уголовной ответственности за «простое участие, не выразившееся в причастности или прикосновенности к конкретному преступлению, совершённом этим объединением» [26, с. 115]

Совершенно оправдана позиция А.Г. Хлебушкина, который настаивает на том, что участие в криминальном сообществе должно признаваться оконченным преступлением при условии, что лицо не просто даёт согласие

на вступление в него, а непременно подкрепит это конкретной практической деятельностью, выполнит любые действия, вытекающие из факта принадлежности к деятельности преступного сообщества [1, с. 66].

В результате таких рассуждений можно принять в качестве обоснованной позицию С. А. Силаева, который отмечает, что «создание банды – это не единичный акт, а целый набор активных действий, которые дают оконченный состав в тот момент, когда сформировалась группа, обладающая всеми указанными в диспозиции ст. 209 УК РФ признаками, однако никакое «преступное состояние» этим не порождается: за сплочением лиц в преступных целях следует не уклонение от обязанностей, а напротив, совершение других активных общественно опасных действий – руководства этой бандой и участия в ней» [40, с. 300].

При этом необходимо уточнить, что участие в банде необходимо признавать оконченным преступлением, когда лицо не просто согласится на вступление в банду, но и подкрепит это неабстрактной практической деятельностью. Самое основное здесь – это проведение разграничения между действиями соисполнителей (участников банды) и действиями, не связанными с нападением, но способствующими преступной деятельности банды.

Категории участия в банде и пособничества бандитизму следует различать согласно положениям Постановления Пленума ВС РФ от 17.01.1997г. №1, которое устанавливает, что действия лиц, не состоявших членами банды и не принимавших участия в совершаемых нападениях, но оказавших содействие банде в ее преступной деятельности, следует квалифицировать как пособничество [35].

Суды трактует участие в банде, придерживаясь позиции Пленума ВС РФ. Так, в Апелляционном определении Верховного Суда РФ от 11 августа 2015 г. по делу № 78-АПУ15-27СП сказано, что «осужденный Македон Б.И. в своей апелляционной жалобе утверждал о чрезмерной суровости приговора, несоответствии назначенного наказания тяжести совершенных им

преступлений и данным о его личности. Отмечал, что его роль в совершении преступлений сводилась только к выполнению функций водителя, он не организовывал и не планировал совершение преступлений, не приискивал средства, не распределял между участниками группы роли и добытые средства» [4].

Современная судебная практика, не рассматривая бандитизм как составное преступление, оправдывает дополнительное вменение и самого нападения. Однако, если в ст. 209 УК РФ речь идёт лишь о создании, руководстве и участии в банде, а лицо, участвующее в нападении, не является ни членом банды, ни создателем, ни организатором, то нелогичным представляется вменение ему ст. 209 УК РФ. Получается, что фактически «бандитом» признаётся лицо, не входящее в банду и не участвовавшее в её организации, однако принимавшее участие в конкретном нападении. В данном случае указание в диспозиции ч. 2 ст. 209 УК РФ противоречит принципу справедливости; отсюда напрашивается вывод о целесообразности исключения из диспозиции ч. 2 ст. 209 УК слов: «или в совершаемых ею нападениях». В случае, если лицо, не являясь членом банды, оказывает разовое содействие в нападении, его необходимо рассматривать лишь в качестве соучастника конкретного нападения, которое возможно и в виде соисполнительства. Однако, в случае продолжения им участия в нападениях, совершаемых бандой, возможно, заключить, что он состоит в банде; такой подход больше соответствует современному пониманию бандитизма.

Итак, современная правоприменительная практика под бандитизмом понимает не всю совокупность преступлений, совершаемых бандой, а лишь действия, направленные на создание, руководство и участие в банде. Важно учитывать также, что правоприменительная практика учитывает такой фактор, как цель, направленность деятельности банды: нападения на граждан и организации.

1.3 Ответственность за бандитизм по зарубежному законодательству

Компаративистский анализ зарубежного уголовного законодательства играет значимую роль при исследовании отечественного права, поскольку является одним из способов решения научно-практических задач.

Институт соучастия в английском уголовном праве разработан правовой доктриной и прецедентным правом. Выделяется несколько нормативных правовых актов, осуществляющих охрану общественных отношений: Закон «О серьезной организованной преступности и полиции», Закон «Об уголовном праве», Закон «Об общественном порядке» и другие.

Так, Закон «Об общественном порядке» предусматривает ответственность за совершение преступлений в составе банды. Бандитизмом признаются совместные действия трех и более лиц, совершенные с применением насилия или с угрозой применения такого насилия, с целью воздействия на личную безопасность другого лица (ст. 2 Закона). В доктрине британского уголовного права отмечается значимость количественного критерия, повышающего общественную опасность деяний, совершенных в составе такого группового формирования. В частности, Пьер Хаук и Свен Петерке указывают, что количественный признак банды является обязательным, его отсутствие исключает данное преступление вообще [15, с. 151].

Законодатель в ст. 11.2 Уголовного кодекса Австралии закрепляет совместную деятельность, образующую соучастие. Так, под соучастием понимается действие лица, направленное на помощь, подстрекательство или побуждение другого лица совершить преступление. Выделяются следующие признаки данного соучастия: осознание лицом того, что оно действительно побуждает другое лицо к совершению преступления и непосредственное совершение им преступления. Преступный сговор как разновидность группового формирования включает в себя соглашение между двумя и более

лицами с целью совершения преступления (ч. 1 ст. 11.5 УК Австралии). В качестве положительного опыта можно отметить закрепление признаков преступного сговора: наличие соглашения с одним или более лицами; наличие умысла на совершение преступления у виновного лица и хотя бы еще у одного из соучастников; непосредственное совершение преступления виновным лицом и хотя бы еще одним из соучастников.

Так, преступным сговором признаются следующие разновидности соглашений:

- совершение преступления с органом корпорации (п. «b» ч. 3 ст. 11.5 УК Австралии);
- совершение преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности (п. «i» ч. 3 ст. 11.5 УК Австралии);
- совершение преступления с лицом, в интересах которого или для защиты которого совершается данное преступление (п. «u» ч. 3 ст. 11.5 УК Австралии);
- совершение преступления с участниками преступного соглашения, которые были оправданы судом по обвинению в сговоре (п. «d» ч. 3 ст. 11.5 УК Австралии).

Таким образом, законодатель Австралии закрепляет общее содержание сговора (сговор на совершение преступления и сговор на осуществление обмана), однако в средствах массовой информации наблюдается употребление общепринятых понятий: организованная преступная группа или банда [33, с. 99]. Соответственно, можно предположить, что различные виды групповых формирований выступают в качестве разновидностей преступного сговора.

Законодатель Израиля одной из форм соучастия признает группу лиц, под которой понимается запрещенное объединение и стечение народа. Так, согласно ст. 145 Закона об уголовном праве Израиля под запрещенным объединением понимается группа лиц, объединенная или нет, которая проповедует, призывает или поощряет в своем уставе, или путем агитации,

или иным образом к одному из запрещенных действий, указанному в уголовном законодательстве. Данное объединение может являться подразделением организации, действия которой направлены на осуществление преступлений (ч. 4 ст. 145 Закона об уголовном праве Израиля). Участниками данного группового формирования могут быть только физические лица, достигшие 16-летнего возраста (ст. 147 Закона об уголовном праве Израиля), и, как правило, группа состоит из двух или более лиц. Запрещенное стечение народа, в свою очередь, направлено на дезорганизацию спокойствия людей (ст. 151 Закона об уголовном праве Израиля) и, в отличие от запрещенного объединения, состоит как минимум из трех или более лиц, собравшихся для совершения преступления.

Необходимо отметить тот факт, что в уголовном праве Израиля совершение преступления в составе группы лиц выступает составообразующим признаком преступления - совершение нападения на полицейского при отягчающих обстоятельствах группой лиц, состоящей более чем из двух человек (ч. 3 ст. 274 Закона об уголовном праве Израиля). Кроме того, групповое совершение преступления является квалифицирующим признаком конкретного состава преступления - совершение различных нападений группой лиц, состоящей более чем из двух человек (ст. 381 Закона об уголовном праве Израиля). Особый интерес вызывает ст. 377 Закона об уголовном праве Израиля, регламентирующая ответственность за совершение конфискации организованными преступными группировками. Под ними понимается группа лиц, действующая организованно, систематически и продолжительное время в целях совершения тяжких правонарушений [16, с. 101].

Уголовное законодательство Канады предусматривает ответственность за совершение преступлений преступной организацией. Согласно ст. 467 (1) УК Канады, под преступной организацией понимается группа лиц, организованная из трех или более лиц, находящихся в Канаде или за ее пределами. Отличительной целью группового формирования является

содействие или совершение одного или нескольких серьезных преступлений с целью прямого или косвенного получения финансовой выгоды. Обязательным аспектом преступной организации является условие не принимать во внимание групповое формирование, которое создано для совершения единичного преступления. Обратим внимание на тот факт, что в Конвенции против транснациональной организованной преступности, принятой Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 55/25 от 15 ноября 2000г., используются аналогичные признаки, характеризующие организованную преступную группу [51].

В доктрине уголовного права Канады существуют мнения по выделению иных признаков преступной организации. Например, Т. Сингх в качестве таких признаков отмечает организационную структуру, долговечность и разнообразные интересы (совершение разнородных преступлений). С криминологической позиции Дж. Альбанезе упоминает еще о таких признаках, как получение рациональной прибыли от преступной деятельности, использование насилия или угрозы применения такого насилия, коррупции для поддержания иммунитета, монополии на рынках, ограниченное членство и обширное или тщательное планирование [15, с. 152].

Таким образом, в качестве положительного опыта уголовного законодательства группы британского права можно отметить тот факт, что в групповых формированиях (преступных организациях, запрещенных объединениях, бандах), отличающихся повышенной опасностью,

Одним из основных нормативных правовых актов США является Свод законов США. В 1970 г. государство приняло Закон «О контроле над организованной преступностью», регулирующий деятельность правоохранительных органов [18, с. 99].

Данный нормативный правовой акт, как и Закон Великобритании «О серьезной организованной преступности и полиции», не раскрывает понятие организованной группы. Однако в доктрине американского уголовного права

выделяются признаки, характеризующие данное групповое формирование. К таким признакам С. Мэллори, например, относит: неидеологические мотивы, непрерывность деятельности, использование тактического и долгосрочного планирования, наличие правил и кодексов секретности, организованную иерархию, использование насилия и запугивания, получение огромной прибыли преступным путем, разделение участников на роли по специализациям, совершение отмывания денежных средств, использование юридических предприятий как фронтов незаконной деятельности и др. [18, с. 101].

Дж. Ричардс также отмечает множество признаков организованной преступной группы и, помимо коррупции, дисциплины, монополии, насилия, преемственности и других сходных признаков, выделенных С. Мэллори, называет: защиту лидеров организации путем отделения их от солдат, ячейки от ячейки и функции от функции; подрыв институтов общества и системы правовых и моральных ценностей; осуществление финансового контроля и операций.

В настоящее время территориально-административные единицы США имеют самостоятельное уголовное законодательство. Каждый штат законодательно закрепил определение различных форм групповой преступности, отличающихся друг от друга. Так, законодатель штата Нью-Йорк, как и в Своде законов США, рассматривает групповое совершение преступления через заговор. Причем выделяет несколько уровней заговора, в зависимости от степени общественной опасности совершенного групповым формированием преступления [18, с. 101].

Законодательство штата Аризона регламентирует ответственность за «преступный синдикат», под которым понимается объединение или любая комбинация лиц, участвующих или имеющих цель постоянно участвовать в деятельности, нарушающей одно или несколько положений уголовного закона (Section 13-2301). Под «комбинацией» понимается сотрудничество лиц в целях осуществления или содействие в осуществлении преступной

деятельности или преступного синдиката (Section 13-2201). Наряду с этим уголовное законодательство предусматривает ответственность за создание «уголовной уличной банды», которая рассматривается как постоянно действующая официальная или неформальная ассоциация лиц, совершающая тяжкие акты (Section 13-105-8).

Законодательство штата Колорадо такую «уголовную уличную банду» понимает как любую текущую организацию, ассоциацию или группу, состоящую из трех или более лиц, одной из целей деятельности которой является совершение одного или нескольких преступных деяний и члены которой индивидуально или коллективно участвуют в деятельности преступной группировки (Title 18 Article 23 Section 101) [18, с. 101].

Уголовный кодекс штата Техас регламентирует ответственность за совершение преступного сговора лицом, если у него имеются намерения совершить фелонию (ст. 15.02 УК Техас). Фелония признается тяжким преступлением. Законодатель выделяет ситуации, при которых формируется данный преступный сговор: 1) одно лицо договаривается с другим или более лицами, что они или одно лицо (либо более лиц) осуществляют преступное посягательство; 2) виновное лицо осуществляет соглашение с другим лицом (либо более лицами) с целью совершить совместные действия для реализации соглашения.

Участие в организованной преступной деятельности имеет место, когда лицо с целью учредить, возглавить или участвовать в «объединении» вступает в сговор для совершения или совершает одно или несколько указанных в данной статье преступлений (ст. 71.02 УК Техаса). В соответствии со ст. 72.022 УК Техаса лицо подлежит уголовной ответственности и в том случае, если оно осознанно и самостоятельно подстрекает лиц стать членами преступной группы. При этом указанный Закон не дает определения этого группового формирования. Другие штаты имеют аналогичные законодательные акты, предусматривающие ответственность за совершение преступления в составе группового

формирования [47, с. 68].

По итогам анализ вопросов, изложенных в настоящей главе, можно сделать следующие выводы:

Вопрос о понятии, признак и видах бандитизма является довольно дискуссионным. Несмотря на законодательную регламентацию понятия бандитизма и его признаков, а также наличия судебного толкования по данному вопросу, содержащегося в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, споры среди ученых на этот счет не прекращаются.

Что касается зарубежного законодательства, то здесь можно сделать выводы, что групповое совершение преступлений в англосаксонской правовой семье по-разному описывается в законодательных актах, однако в значительной степени соответствует пониманию данного института в нормах международного права. На основе компаративистского анализа следует отметить положительный опыт уголовного законодательства стран семьи общего права (УК Австралии, Закон Великобритании «Об общественном порядке», Закон об уголовном праве Израиля, УК Канады, УК штатов Аризона и Колорадо), которые законодательно закрепили качественные и количественные признаки групповых формирований в зависимости от степени общественной опасности совершения ими преступлений.

Таким образом, с целью совершенствования отечественного уголовного законодательства, регламентирующего институт соучастия, и оптимизации практики его применения необходимо использовать вышеуказанный зарубежный опыт.

Глава 2 Вопросы квалификации бандитизма

2.1 Квалификация бандитизма в зависимости от объективных признаков

Располагая состав бандитизма (ст. 209 УК РФ) в разделе IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» в главе 24 «Преступления против общественной безопасности» Особенной части УК РФ, законодатель обозначил видовой объект бандитизма – общественную безопасность. Большинство исследователей, формулируя родовой и видовой объекты данного преступления, в основном и акцентируют внимание на наименовании раздела и главы уголовного закона, где находится ст. 209 УК РФ.

Ж.В. Островских высказывает мнение что, под родовым объектом бандитизма следует понимать общественную безопасность как систему общественных отношений, обеспечивающих состояние защищенности жизненно важных интересов множества неперсонифицированных граждан, а также основных ценностей общества от общепасных деяний и видов деятельности. Под видовым объектом, с позиции автора, понимаются основы общественной безопасности, как общественные отношения, обеспечивающие базовые условия защищенности интересов общественного спокойствия и общежития [32, с. 15].

Как отмечает один из исследователей, «об общественной безопасности как объекте уголовно – правовой охраны можно говорить, имея в виду различные границы ее содержания. Когда речь заходит о характере общественных отношений, являющихся объектом посягательств преступлений, предусмотренных разделом IX УК РФ (общественная безопасность в широком смысле), то под ней понимают совокупность общественных отношений, направленных на обеспечение и поддержание безопасных условий функционирования общества и общественного порядка,

здоровья населения и общественной нравственности, экологической безопасности, безопасности движения. В случаях, когда речь идет о видовом объекте преступлений, предусмотренных в главе 24 (общественная безопасность в узком смысле слова), то в безопасные условия жизни общества обычно включают совокупность общественных отношений по обеспечению неприкосновенности жизни и здоровья граждан, имущественных интересов физических и юридических лиц, общественного спокойствия, нормальной деятельности государственных и общественных институтов» [33, с. 26].

Анализируя вышеуказанную точку зрения, можно сделать вывод о том, что родовым и видовым объектом бандитизма выступает общественная безопасность. При этом родовым объектом бандитизма выступает общественная безопасность в широком смысле, а видовым объектом выступает общественная безопасность в узком смысле.

Теперь рассмотрим подробно вопрос о понятии общественной безопасности.

Как пишет В.С. Комиссаров, «с содержательной стороны безопасность как социальная ценность характеризуется состоянием защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от негативных последствий явлений социального, природного или техногенного характера, а также поддержанием такого уровня этой защищенности, которая является достаточной для их нормального функционирования» [21, с. 23].

Законодательное определение общественной безопасности, хотя эта категория широко используется в Конституции РФ и действующем законодательстве.

Понятие безопасности было раскрыто лишь в Законе РСФСР от 18 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» (в настоящее время утратил силу). Согласно ст. 1 данного Закона безопасность есть состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз [17]. Это определение основывается на

лингвистическом представлении о том, что безопасность есть «отсутствие опасности; сохранность, надежность» [13, с. 67]. или «положение, при котором не угрожает опасность кому - , чему-нибудь» [30, с. 38].

Г.А. Туманов и В.И. Фризко отмечают, что «в юридическом смысле общественная безопасность представляет собой совокупность опосредованных источниками общественных отношений, регулируемых юридическими, техническими и организационными нормами в целях предотвращения и устранения угрозы жизни и здоровью личности, материальным ценностям и окружающей среде» [44, с. 19]. Однако, как указывает Е.В. Благов, «При таком подходе на первый план выдвигается «технический» характер общественной безопасности, но собственно содержательная сторона ее зачастую остается вне поля зрения и исследователей, правоприменителей» [44, с. 20].

По мнению В.П. Тихого, общественная безопасность как объект преступлений «представляет собой определенную систему общественных отношений, обеспечивающих предотвращение и устранение общей опасности насильственного причинения вреда правоохраняемым интересам в целом, гарантирующих тем самым их устойчивость и надежность» [43, с. 44].

Таким образом, в настоящее время мы видим концептуальные наработки, касающиеся основных понятий общественной безопасности.

Особенностью преступлений против общественной безопасности является то, что они объективно вредны для широкого круга общественных отношений (безопасности личности, нормальной деятельности предприятий и других социальных институтов). При совершении преступлений против общественной безопасности вред причиняется интересам не конкретного человека, а общественно значимым интересам – безопасным условиям жизни общества в целом.

УК РФ рассматривает общественную безопасность в качестве составного элемента большой группы общественных отношений, обеспечивающих не только общественную безопасность в узком смысле, но

также общественный порядок, здоровье населения, общественную нравственность, экологический правопорядок и экологическую безопасность, безопасность движения и эксплуатации транспорта, безопасность компьютерной информации. Вся совокупность этих общественных отношений именуется в УК РФ общественной безопасностью (в широком смысле) и общественным порядком, которые выступают в качестве родового объекта преступлений, входящих в раздел IX УК РФ [48, с. 231].

Также следует отметить следующую особенность рассматриваемого состава преступления. Объективная сторона бандитизма предполагает нападение на граждан и организации, соответственно помимо основного объекта – общественной безопасности, дополнительным объектом бандитизма будут выступать жизнь, здоровье, отношения собственности, ибо они неразрывно связаны с термином нападение.

Объективная сторона бандитизма имеет специфический характер. Из формулировки ч. 1 ст. 30, диспозиции ст. 209 УК РФ и разъяснений, содержащихся в Постановлении Пленума ВС РФ от 17.01.1997г. №1, следует, что фактически деяние, предусмотренное ст. 209 УК РФ, будет считаться оконченным на стадии приготовления к преступлению [35].

Под приготовлением к преступлению по ч. 1 ст. 30 УК РФ, в частности, понимается приискание орудий совершения преступления, соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления. Собственно организаторские действия лица, создающего банду, заключаются в вовлечении лиц к участию в банде, в обеспечении банды оружием (как отмечалось выше, признак вооруженности является обязательным признаком ст. 209 УК РФ) [46].

Поскольку, как неоднократно отмечалось выше, обязательным признаком бандитизма является осуществление нападения на граждан и организации, то соответственно банда и создается для подготовки этих нападений. В подавляющем большинстве случаев речь идет о приготовлению

к разбою, так как именно нападение входит в конструкцию объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 162 УК РФ. Ниже будет отдельно рассмотрен вопрос о разграничении бандитизма и разбоя.

Исходя из вышеизложенного, следует, что по конструкции объективной стороны преступление, предусмотренное ст. 209 УК РФ, относится к посягательствам с формальным составом. Оно будет считаться оконченным с момента совершения общественно опасного деяния, выраженного только в активных действиях (вопрос о возможности бездействия анализировался выше). А форма этих действий зависит от роли лица в составе банды. Соответственно, это могут быть действия, направленные на создание банды или управление уже созданной бандой, а также действия по вхождению в состав банды.

Другие признаки объективной стороны не влияют на квалификацию преступления, предусмотренного ст. 209 УК РФ. В том числе, и насилие как способ преступления. Как следует из диспозиции ч. 1 ст. 209 УК РФ, применение насилия предполагается в будущем при совершении конкретного преступления. Фактическое насилие здесь не предусмотрено, хотя можно предположит, что, привлечение к участию в банде возможно, в том числе, и насильственным способом. К примеру, речь идет о применении как психического (угрозы, шантаж), так и физического насилия (нанесение побоев, причинение вреда здоровью). В таком случае, при установлении факта того, что лицо стало участником банды помимо своей доброй воли, это обстоятельство, в зависимости от фактических данных, исключает уголовную ответственность по правилам ст. 40 УК РФ (физическое или психическое принуждение) либо является смягчающим обстоятельством, которое должно учитываться при назначении наказания.

Что касается еще одного признака объективной стороны – орудия совершения преступления, то его также нельзя отнести к обязательным признакам преступления, предусмотренного ст. 209 УК РФ. Как уже неоднократно отмечалось выше, обязательным признаком банды является

вооруженность, что предполагает наличие оружия. Соответственно, в диспозиции ч. 1 ст. 209 УК РФ прописан именно признак «вооруженности», а не признак «применения оружия».

2.2 Квалификация бандитизма в зависимости от субъективных признаков

По смыслу ст. 209 УК РФ совершение любого вида бандитизма, проанализированных в параграфе 1.2 Главы 2, возможно только с прямым умыслом⁷⁰.

Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо, его совершившее, осознавало общественную опасность своего действия (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления (ч. 2 ст. 25 УК РФ).

При рассмотрении субъективной стороны рассматриваемого состава преступления, следует опять упомянуть о том, что нападение в бандитизме направлено на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создание реальной угрозы его незамедлительного применения. Объективную сторону состава бандитизма, исходя из смысла закона, образует создание только такой организованной группы, целью которой является нападение на граждан или организации. При отсутствии в действиях лиц цели совершить нападение, деяние не будет квалифицироваться по ст. 209 УК РФ, так как цель является обязательным признаком состава.

По действующему уголовному законодательству субъектом бандитизма является физическое лицо; достигшее 16 лет, виновно совершившее общественно опасное деяние и способное нести за него уголовную ответственность. При этом несовершеннолетний участник банды в возрасте от 14 до 16 лет может быть привлечен к уголовной

ответственности только за те общественно опасные деяния, за которые установлено наказание с 14 лет (ст. 20 УК РФ) [46].

Одним из факторов непоследовательности законодателя в вопросах квалификации данного преступления является отношение к вопросу о снижении возраста уголовной ответственности за ряд преступлений, объектом которых является общественная безопасность.

Данная позиция представляется в некоторой степени противоречивой: законодатель считает подростка 14 лет способным осознать опасность и все «политико-идеологические» цели ведения террористической деятельности, но не способным понять опасность участия в банде.

Однако при этом большинство преступлений, которые совершает банда, уже перечислены в ч. 2 ст. 20 УК РФ: подавляющее число преступлений, совершенных бандами – это вооруженные грабежи, разбойные нападения и убийства. При этом имеются и реальные факты участия несовершеннолетних лиц в бандах [46].

К примеру, согласно приговору Хабаровского краевого суда от 24 февраля 2015г. по делу № 2-33/15 установлено, что подсудимый Ф. «достоверно зная, что вовлекаемое им в преступную деятельность лицо является несовершеннолетним, так как длительное время был с ним знаком, и в силу своего возраста легко поддается чужому влиянию, умело пользуясь данным обстоятельством, а также зная о том, что несовершеннолетний испытывает материальные затруднения, не имеет постоянного источника дохода, а также склонен к совершению преступлений, осознавая, что своими действиями вовлекает его в преступную группу и в совершение особо тяжких преступлений путем обещаний получения материальной выгоды от преступной деятельности и уверении в безнаказанности, а также своего покровительства в будущем».

При этом отмечено, что Ф. умело разжигая в подростке низменные инстинкты и жажду быстрого обогащения, прямо предложил несовершеннолетнему войти в состав в организованной устойчивой

вооруженной группы и участвовать в совершаемых ею вооруженных нападениях на граждан и хищении их имущества, с разделом похищенного имущества среди членов банды.

В ходе такого рода бесед Ф. отводил себе роль руководителя банды и организатора нападений, информировал подростка о наличии в банде холодного оружия: штык-ножа, самодельного охотничьего ножа, о планах применения этого оружия при нападении. В результате несовершеннолетний согласился с предложением» [36].

Роль несовершеннолетних в реализации нападений в составе банд зачастую состоит в выполнении роли «приманки», а также заключается в уничтожении следов преступления.

Согласно выводам В.В. Бычкова, который предпринял анализ состояния организованной преступности за 10 лет (2006-2015 гг.), можно констатировать, что в течение последних 5 лет (2000-2015 гг.) увеличилось количество несовершеннолетних, совершивших преступления в составе организованных преступных формирований [7, с. 25].

В связи с указанными факторами ряд авторов предлагает снизить до 14 лет минимальный возраст уголовной ответственности для части второй статьи 209 УК РФ, предусматривающей ответственность за участие в банде [39, с. 89].

Такая оговорка обусловлена тем, что данные об организаторах банд моложе 16 лет отсутствуют.

В данном направлении предлагается ввести в оборот категорию единой возрастной группы, используя понятие неполного совершеннолетия. Следует учитывать при этом, что большое количество специалистов указывает на то обстоятельство, что способность саморегуляции у человека формируется не к началу, а к завершению подросткового периода, т.е. к 14-15 годам [10, с. 61].

Субъектов преступления, предусмотренного ч.ч.1 и 2 ст. 209 УК РФ, законодатель подразделяет на три категории:

- организаторы банды (ч. 1 ст. 209 УК РФ);

- руководители банды (ч. 1 ст. 209 УК РФ);
- участники банды (ч. 2 ст. 209 УК РФ).

В главе 1 настоящей работы достаточно подробно анализировался вопрос об организаторе и руководители банде, а также об участниках банды. В настоящем параграфе необходимо остановится только на тех аспектах, которые не освещены ранее.

Определение организатора и руководителя банды дано выше. Здесь необходимо отметить, что несмотря на то, что законодатель допускает возможность, что организатором банды является один человек, а руководителем – другой, проанализированные нами материалы судебной практики свидетельствуют о том, что организатором и руководителем банды является один и тот же человек.

Так, Прокуратура Санкт-Петербурга поддержала обвинение по уголовному делу в отношении Андрея Минина.

Минин признан судом виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 209 УК РФ (создание устойчивой вооруженной группы в целях нападения на граждан, организации, руководство такой группой), а также 13 преступлений, предусмотренных п.п. а, б ч. 4 ст. 162 УК РФ.

Судом установлено, что Минин в составе организованной группы в июле 2011 года совершил разбойное нападение в г. Кириши Ленинградской области на ювелирный магазин «Топаз», применяя оружие, угрожая насилием.

В результате нападения похищены ювелирные изделия на сумму более 5 млн. рублей.

Нападение послужило поводом для создания Мининым с 05.07.2011 по 13.09.2011 в Санкт-Петербурге банды.

В ходе существования банды были совершены 12 разбойных нападений на различные организации, которые осуществляли розничную торговлю

ювелирными изделиями в Ленинградской, Новгородской, Московской, Вологодской, Смоленской областях и в Санкт-Петербурге.

При этом в ходе нападений применялись, как предметы, используемые в качестве оружия, так и огнестрельное оружие - пистолет «Тульский Токарев» калибра 7,62 мм.

При нападениях были похищены имущество, ювелирные изделия, составляющие особо крупный размер [38].

Что касается участников банды, определение которых дано выше, наглядным примером такого вида деятельности является следующий пример из судебной практики:

Владимирский областной суд вынес приговор в отношении 2-х жителей Московской области – 40-летнего С. и 28-летнего З. Оба они являлись участниками вооруженной группы (банды), совершавшей нападения на граждан, в целях хищения дорогостоящих автомобилей, денежных средств, ювелирных украшений и другого ценного имущества на территории Гусь-Хрустального, Кольчугинского, Киржачского, Суздальского и Александровского районов Владимирской области, Пушкинского, Сергиево-Посадского и Ногинского районов Московской области, а также в поселках Умет и Зубова Поляна Зубово-Полянского района республики Мордовия. Они признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 222 УК РФ (незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, совершенные организованной группой), ч. 2 ст. 209 УК РФ (участие в устойчивой вооруженной группе (банде), п. «а, б, в») ч. 4 ст. 162 УК РФ (разбой, совершенный организованной группой в особо крупном размере с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшему).

Судом установлено, что участниками вооруженной организованной группы, кроме осужденных в банде состояли еще три лица. В отношении двоих из них Григория Деняпкина и Ильи Беззубова приговоры вынесены

ранее в особом порядке, организатор и руководитель банды Захаров (дядя одного из подсудимых) во время следствия покончил жизнь самоубийством.

С начала мая 2010 года по 22 августа 2014 года (до момента задержания лидера банды) на территориях Московской и Владимирской областей, а также республике Мордовия совершено не менее 22 тяжких и особо тяжких преступлений против собственности, в том числе незаконный оборот огнестрельного оружия. С. и З., обладали хорошими физическими данными и навыками вождения транспорта. При помощи средств маскировки (маски с прорезями для глаз, перчатки, камуфляжную одежду), огнестрельного оружия (несколько пистолетов и автомат) и предметов, используемых в качестве оружия (ножи, бейсбольная бита и др.), для облегчения совершения преступлений, с целью воспрепятствования сообщению о них и сокрытия их следов, злоумышленники нападали на граждан и их жилища, где с применением насилия, в том числе опасного для жизни и здоровья, совершали хищения ценного имущества и денежных средств у потерпевших.

Для реализации преступных планов они приобретали специальные средства для ограничения передвижения потерпевших в виде наручников и липкой ленты (скотч), пластиковых хомутов, а также средства связи в виде радиостанций и мобильных телефонов, использовали различный автотранспорт.

Объектами нападений становились целые семьи, в дома которых злоумышленники проникали с целью наживы. Хозяев домов они подвергали избиению, применяли в их отношении холодное и огнестрельное оружие (один из потерпевших в результате полученного ножевого ранения скончался на месте преступления). В числе пострадавших есть женщины. Свидетелями преступлений были дети.

Потерпевшими по делу является не менее 28 лиц, в том числе несовершеннолетние. Сумма причиненного ущерба составила более 50 млн. рублей [37].

Ранее отмечалось, что вхождение в состав банды может быть и недобровольным, что должно учитываться при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности или при назначении наказания.

Но хотелось бы обратить внимание еще на один аспект. Анализ преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за участие в преступном сообществе, в террористическом сообществе и экстремистском сообществе, свидетельствует о том, что все эти составы преступлений предусматривают специальное основание для освобождения от уголовной ответственности участников данных организаций.

Анализ санкций ч. 2 ст. 205.4, ч. 2 ст. 210, ч. 2 ст. 282.1 УК РФ свидетельствует о том, что законодатель считает участие в указанных сообществах менее тяжким преступлением по сравнению с участием в банде. Однако, учитывая ранее рассмотренный вопрос о возможном вовлечении в состав банды насильственным способом, считаем возможным дополнить ст. 209 УК РФ примечанием о возможном освобождении от уголовной ответственности участника банды при соблюдении определенных условий.

Одним из сложных и актуальных является вопрос о привлечении к уголовной ответственности, лиц внедренных в состав банды в рамках оперативно-розыскных мероприятий.

Так, подробный анализ данной проблемы освещается в работе А. Хаитжанова, К. А. Горбунова. Авторы проводят сравнительное исследование норм российского и зарубежного законодательства. В итоге они приходят к выводу о необходимости дополнения перечня обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, новым обстоятельством, закрепив его в ст. 42.1 УК РФ ст. 42.1 «Выполнение специального задания органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность» [52, с. 91].

Российским законодателем предусмотрена повышенная уголовная ответственность за создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации, руководство такой группой,

участие в ней или в совершаемых ею нападениях, совершенные лицом с использованием своего служебного положения (ч.3 ст. 209 УК РФ) [46].

Тем самым, в квалифицированный состав бандитизма введен специальный субъект – лицо, использующее свое служебное положение.

Очевидно, что «использовать служебное положение могут лица, «занимающие служебное положение», к которым относятся две группы специальных субъектов.

К первой группе относятся субъекты преступлений против интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, указанные в примечаниях 1-4 к ст. 285 УК РФ:

- должностные лица, постоянно или временно или по специальному полномочию осуществляющие функцию представителя власти либо выполняющие организационно – распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных Силах РФ, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации;
- лица, занимающие государственные должности, устанавливаемые Конституцией РФ, федеральными конституционными законами федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий государственных органов;
- лица, занимающие государственные должности субъектов Российской Федерации, занимающие должности, установленные конституциями или уставами субъектов РФ для непосредственного исполнения полномочий государственных органов;
- государственные служащие и служащие органов местного самоуправления, не относящиеся к числу должностных лиц.

При этом содержание понятия представителя власти раскрыто в примечании к ст. 318 УК РФ, где им признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное

должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости.

Ко второй группе относятся лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих или иных организациях, статус которых определен в примечании 1 к ст. 201 УК РФ. Это лица, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой организации независимо от формы собственности, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным и муниципальным учреждением.

Что касается термина «использование своего служебного положения», то в Постановлении Пленума ВС РФ от 17.01.1997г. № 1 это понятие трактуется как «использование лицом своих властных или иных служебных полномочий, форменной одежды и атрибутики, служебных удостоверений или оружия, а равно сведений, которыми оно располагает в связи со своим служебным положением, при подготовке или совершении бандой нападения либо при финансировании ее преступной деятельности, вооружении, материальном оснащении, подборе новых членов банды и т.п.» [35].

Что касается термина «использование своего служебного положения», то Пленумом ВС РФ от 17.01.1997 г. №1 это понятие трактуется как «использование лицом своих властных или иных служебных полномочий, форменной одежды и атрибутики, служебных удостоверений или оружия, а равно сведений, которыми оно располагает в связи со своим служебным положением, при подготовке или совершении бандой нападения либо при финансировании ее преступной деятельности, вооружении, материальном оснащении, подборе новых членов банды и т.п.» [35].

Итак, по вопросам квалификации состава возникает ряд спорных аспектов, которые ждут своего решения в русле совершенствования

законодательства и приведения его в соответствие с установленными в порядке судебной практики закономерностям. В этом направлении следует опираться на комплекс научных исследований и учет ряда обоснованных предложений.

2.3 Отграничение бандитизма от смежных составов преступлений

Весьма сложным представляется вопрос отграничения незаконного вооруженного формирования от бандитизма. Недаром, например, часто вооруженные формирования в Чечне называют бандформированиями, которые совершают нападения не только на отдельных людей, государственных и общественных деятелей, но и на предприятия, организации, в том числе на правоохранительные органы и органы власти, а также на отдельные города.

Деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 208 УК РФ выражается в создании вооруженного формирования (объединения, отряда, дружины или иной группы), не предусмотренного федеральным законом, а равно в руководстве таким формированием или его финансировании. В ч. 2 ст. 208 УК РФ говорится об участии в незаконном вооруженном формировании [46].

Во-первых, отличие банды от незаконного вооруженного формирования видится в количественном составе участников этих групп.

В. Мальцев пишет о том, что количественный состав незаконного вооруженного формирования должен соответствовать хотя бы самому малому первичному звену воинской части – отделению в количестве не менее 7 человек [25, с. 44].

Очевидно, что наиболее существенными признаками отличающими банду от любой организованной группы, является ее цель нападение на граждан или организации вооруженность.

Уголовно-правовая норма об ответственности за организацию незаконного вооруженного формирования или участия в нем не содержит

указания на мотивы и (или) цели, поэтому они не влияют на квалификацию данного преступления, но учитываются судом при назначении наказания.

Что же касается бандитизма, то законодатель четко указывает на цель – нападение на граждан и организации, без которой не будет квалифицироваться деяние как преступление.

Еще одним отличием банды от незаконного вооруженного формирования является степень и характер вооруженности. Согласно тексту Постановления Пленума ВС РФ от 17.01.1997г. №1 «банда признается вооруженной при наличии оружия хотя бы у одного из ее членов и осведомленности об этом других членов банды» [35].

С точки зрения В. Мальцева, вооруженность формирования как минимум должна быть такой, чтобы хотя бы несколько вооруженных его членов, пусть и при поддержке не имеющих оружия участников формирования, были бы способны провести операцию по типу воинской (боевой), а не просто осуществить нападение на гражданина или организацию [25, с. 44]. В рамках данного понятия автор считает возможным выделить экстремистские отряды разного толка, вооруженные организации партий, мафиозные объединения, а также банды при их многочисленности, достаточной вооруженности и построении по военному образцу [25, с. 45].

Соглашаясь с данной позицией, Р. Х.Кубов также считает, что незаконное вооруженное формирование представляет собой разновидность преступной организации. В числе ее характеристик он назвал структурированность (существование нескольких самостоятельных подразделений), иерархичность (закрепление отношений подчиненности) и устойчивость (постоянный характер взаимодействия участников) [23, с. 16].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что банда отличается от незаконного вооруженного формирования по следующим признакам:

- количественный состав банды и незаконного вооруженного формирования различаются. В уголовном законодательстве

указано, что для признания группы бандой достаточно наличие 2 человек. Напротив, о количественном составе незаконного вооруженного формирования в уголовном законодательстве ничего не сказано. В литературе лишь высказываются различные точки зрения, по поводу количественного состава незаконного вооруженного формирования, но большинство ученых сходятся во мнении, что количество человек не должно быть менее 7 [5, с. 40-41; 34, с. 90].

- цель создания. Чтобы признать группу бандой, необходимо доказать, что она созданная с целью нападения на граждан и организации. Однако в законе нет указания на цель создания незаконного вооруженного формирования.
- степень и характер вооруженности. В Постановлении Пленума ВС РФ от 17.01.1997 г. № 1 указано, что для признания банды вооруженной, достаточно чтобы оружие было хотя бы у одного члена банды, при осведомлении об этом других членов банды [35]. Для незаконного вооруженного формирования признак вооруженности присущ всему образованию.

В теории уголовного права и в судебно-следственной практике уже давно возник вопрос об отграничении бандитизма от разбойного нападения, совершаемого организованной группой с применением оружия. Сложность отграничения состоит в том, что и бандитизм, и указанный вид разбоя обладают некоторыми сходными признаками. Банде как разновидности организованной группы помимо признаков организованной группы характерны еще два: вооруженность и специальная цель, отражающая специфический способ осуществления преступной деятельности – путем нападения на предприятия, учреждения, организации или на граждан.

Именно вооруженность организованной группы нередко рассматривается судами в качестве определяющего критерия отграничения банды от других форм соучастия в преступлении. Однако в связи с этим

нередко возникает вопрос об отграничении вооруженного разбоя от бандитизма.

Так, Конституционный Суд РФ в Определении от 8 апреля 2010г. № 601-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Варлакова Александра Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 209 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 240 и статьей 285 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» указал, что преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 209 УК РФ, и разбой, совершенный организованной группой (ч. 4 ст. 162 УК РФ), образуют самостоятельные составы преступлений, различающиеся по объекту уголовно-правовой охраны, характеру посягательства, направленности умысла и степени опасности [31].

Как отмечает Р. Галиакбаров, «разбой отличается от бандитизма помимо объекта посягательства по таким признакам, как: использование оружия при разбое по назначению, его применение в ходе нападения, наличие корыстной цели, в то время как при бандитизме лица преследуют цель нападения на граждан или организации» [10, с. 57].

По мнению В. Хилюта, «если в теории еще можно провести условное разграничение разбоя и бандитизма, то на практике это сделать при одинаковых объективных и субъективных характеристиках практически невозможно. Например, несколько человек, организовавшись в вооруженную преступную группу, неоднократно совершали разбойные нападения на граждан. В такой ситуации возникает вопрос: на что в первую очередь посягали преступник – на собственность или на общественную безопасность? Если судить по действиям при нападении, то они были направлены на причинение вреда чужой собственности и можно говорить о совершении разбоя. В то же время до этого указанная группа вооружилась для совершения именно этих (разбойных) нападений и тем самым уже представляла опасность для общества, и потому все содеянное подпадает под признаки бандитизма» [54, с. 42].

При рассмотрении этого вопроса необходимо учитывать, что в указанных составах преступлений по-разному расставлены акценты.

В частности, если в п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ основной акцент сделан, в первую очередь, на нападение как действие, то в ст. 209 УК РФ внимание правоприменителя акцентируется на повышенной общественной опасности действий по созданию банды. Поэтому правильной квалификации данных деяний будет квалификация по совокупности бандитизма и вооруженного разбоя.

Также В. Хилюта замечает, что «оружием могут обладать члены организованной группы, деятельность которой далека от насильственных преступлений. Если такая группа или отдельные ее члены ситуационно совершают вооруженный разбой, то это само по себе не свидетельствует о ее перерождении в банду» [54, с. 42].

Однако сразу возникает вопрос, сколько раз и в течении какого периода разбой может признаваться совершённым ситуационно и выступать лишь в качестве одного из эпизодов преступной деятельности организованной группы?

А если таких разбоев будет два или в течение года организованная группа совершит пять эпизодов хищения автотранспорта, четыре эпизода вымогательства, три эпизода вооруженного разбоя и три эпизода изнасилования?

Какова будет направленность преступной деятельности такой организованной преступной группы?

Будет ли направленность группы зависеть от количества эпизодов?

Все-таки представляется сомнительным, что предлагаемый критерий будет универсальным для правоприменителя.

Таким образом, отличие бандитизма от разбоя, совершенного группой лиц по предварительному сговору с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (ч. 2 ст. 162 УК РФ), заключается в следующем:

Бандитизм требует наличие оружия у членов банды, а при разбое необходимо применение оружия, а не только его наличие.

При разбое могут быть использованы в качестве оружия предметы, собственно оружием не являющиеся. Это предметы, используемые в качестве оружия – категория широкая. Она охватывает собой, по сути дела, любые предметы, которыми может быть причинен вред здоровью человека, вплоть до лишения его жизни. Например, топоры, серпы, косы, молотки, отвертки, металлические пруты и трубы. Предварительная приспособленность или подготовленность их к нанесению телесных повреждений человеку не требуется [6, с. 32].

При разбое используются преступниками изделиями-имитациями: игрушечных пластмассовых пистолетов, автоматов, кинжалов, сабель и др., имеющих чисто внешнее сходство с их настоящими аналогами, но не способных в силу своих физических свойств причинить какой-либо серьезный вред в случае использования их, скажем в качестве ударного предмета.

Обязательным признаком банды, предусмотренным ст. 209 УК РФ, является ее вооруженность, предполагающая наличие у участников банды огнестрельного или холодного, в том числе метательного оружия, как заводского изготовления, так и самодельного, различных взрывных устройств, а также газового и пневматического оружия [46].

Использование участниками нападения непригодного к целевому применению оружия или его макетов не может рассматриваться в качестве признака их вооруженности.

При решении вопроса о признании оружием предметов, используемых членами банды при нападении, следует руководствоваться положениями Закона РФ «Об оружии», а в необходимых случаях и заключением экспертов.

Банда признается вооруженной при наличии оружия хотя бы у одного из ее членов и осведомленности об этом других членов банды.

Состав бандитизма является окончанным с момента создания банды, тогда как разбой окончен с момента нападения с целью хищения чужого имущества, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия.

Если сравнить бандитизм и вымогательство – ст. 163 УК РФ, то отсюда следует, что при вымогательстве умысел виновного направлен на получение требуемого имущества в будущем из рук потерпевшего, который, хотя и вынужденно, но сам передает его виновному или лицам, от имени которых действовал вымогатель.

Здесь не обязательно применение оружия, а достаточно угрозы: например, распространением сведений, позорящих потерпевшего или его близких (об их интимной жизни, состоянии здоровья, позорящих фактах биографии).

Субъектом преступлений, предусмотренных ст. 162 и ст. 163 УК РФ может быть лицо, достигшее 14-летнего возраста.

Вымогательство признается окончанным преступлением, как только виновный предъявит требование передачи ему имущества под угрозой последствий, перечисленных в законе, хотя бы ему и не удалось его получить.

По конструкции вымогательство схоже с таким составом преступления, как разбой, который признается окончанным с момента совершения нападения, независимо от того, завладел ли имуществом преступник.

Тем более, это положение распространяется на деятельность вооруженной организованной группы, совершавшей нападения на отдельных граждан, отказавшихся выплачивать «дань» преступному обществу. Содеянное должно квалифицироваться как бандитизм, а не квалифицированное вымогательство [20, с. 14].

Несомненно, что расследование преступлений, совершенных устойчивой вооруженной организованной группой, требует больших затрат,

кропотливого анализа деяний каждого из участников преступной группы или сообщества.

Однако для результативной работы правоохранительных органов необходимо четкое толкование действующего законодательства, а также внесение изменений и дополнений в УК РФ.

Изложенное говорит о необходимости существенных изменений в правоприменительной практике по делам о вооруженных организованных преступных группах.

Работа по разоблачению криминальных сообществ должна завершаться ликвидацией преступной организации, а виновные – нести наказание не только за отдельные действия, но и за участие в преступной системе.

Подводя итог можно сделать следующие выводы:

По конструкции объективной стороны преступление, предусмотренное ст. 209 УК РФ, относится к посягательствам с формальным составом.

Оно будет считаться оконченным с момента совершения общественно опасного деяния, выраженного только в активных действиях (вопрос о возможности бездействия анализировался выше).

А форма этих действий зависит от роли лица в составе банды. Соответственно, это могут быть действия, направленные на создание банды или управление уже созданной бандой, а также действия по вхождению в состав банды.

Другие признаки объективной стороны не влияют на квалификацию преступления, предусмотренного ст. 209 УК РФ.

В том числе, и насилие как способ преступления.

Как следует из диспозиции ч. 1 ст. 209 УК РФ, применение насилия предполагается в будущем при совершении конкретного преступления.

Признак «орудие совершения преступления» также нельзя отнести к обязательным признакам преступления, предусмотренного ст. 209 УК РФ, поскольку в диспозиции ч. 1 ст. 209 УК РФ прописан именно признак «вооруженности», а не признак «применения оружия».

Привлечение к участию в банде возможно, в том числе, и насильственным способом.

В таком случае, при установлении факта того, что лицо стало участником банды помимо своей доброй воли, это обстоятельство, в зависимости от фактических данных, исключает уголовную ответственность по правилам ст. 40 УК РФ (физическое или психическое принуждение) либо является смягчающим обстоятельством, которое должно учитываться при назначении наказания.

Анализ санкций ч. 2 ст. 205.4, ч. 2 ст. 210, ч. 2 ст. 282.1 УК РФ свидетельствует о том, что законодатель считает участие в указанных сообществах менее тяжким преступлением по сравнению с участием в банде.

Однако, учитывая ранее рассмотренный вопрос о возможном вовлечении в состав банды насильственным способом, считаем возможным дополнить ст. 209 УК РФ примечанием о возможном освобождении от уголовной ответственности участника банды при соблюдении определенных условий.

Заключение

Вопрос о понятии, признаке и видах бандитизма является довольно дискуссионным. Несмотря на законодательную регламентацию понятия бандитизма и его признаков, а также наличия судебного толкования по данному вопросу, содержащегося в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, споры среди ученых на этот счет не прекращаются.

Что касается зарубежного законодательства, то здесь можно сделать выводы, что групповое совершение преступлений в англосаксонской правовой семье по-разному описывается в законодательных актах, однако в значительной степени соответствует пониманию данного института в нормах международного права. На основе компаративистского анализа следует отметить положительный опыт уголовного законодательства стран семьи общего права (УК Австралии, Закон Великобритании «Об общественном порядке», Закон об уголовном праве Израиля, УК Канады, УК штатов Аризона и Колорадо), которые законодательно закрепили качественные и количественные признаки групповых формирований в зависимости от степени общественной опасности совершения ими преступлений.

Таким образом, с целью совершенствования отечественного уголовного законодательства, регламентирующего институт соучастия, и оптимизации практики его применения необходимо использовать вышеуказанный зарубежный опыт.

Объектом бандитизма является общественная безопасность, при этом родовая, видовой и непосредственный объект в составе бандитизма совпадают.

По конструкции объективной стороны преступление, предусмотренное ст. 209 УК РФ, относится к посягательствам с формальным составом. Оно будет считаться оконченным с момента совершения общественно опасного деяния, выраженного только в активных действиях (вопрос о возможности бездействия анализировался выше). А форма этих действий зависит от роли

лица в составе банды. Соответственно, это могут быть действия, направленные на создание банды или управление уже созданной бандой, а также действия по вхождению в состав банды.

Другие признаки объективной стороны не влияют на квалификацию преступления, предусмотренного ст. 209 УК РФ. В том числе, и насилие как способ преступления. Как следует из диспозиции ч. 1 ст. 209 УК РФ, применение насилия предполагается в будущем при совершении конкретного преступления.

Признак «орудие совершения преступления» также нельзя отнести к обязательным признакам преступления, предусмотренного ст. 209 УК РФ, поскольку в диспозиции ч. 1 ст. 209 УК РФ прописан именно признак «вооруженности», а не признак «применения оружия».

Привлечение к участию в банде возможно, в том числе, и насильственным способом. В таком случае, при установлении факта того, что лицо стало участником банды помимо своей доброй воли, это обстоятельство, в зависимости от фактических данных, исключает уголовную ответственность по правилам ст. 40 УК РФ (физическое или психическое принуждение) либо является смягчающим обстоятельством, которое должно учитываться при назначении наказания.

Состав бандитизма следует от смежных составов преступлений, таких как разбой, совершенный организованной группой, организации незаконного формирования и участия в нем.

В основе разграничения бандитизма от разбоя и незаконного вооруженного формирования лежат такие признаки как: объект, вооруженность, а также цель совершения преступлений.

Следующее предложение, которое вытекает из практики, касается введения в оборот категории единой возрастной группы, при использовании понятия неполного совершеннолетия. Предлагается установить пониженный до 14 лет возраст уголовной ответственности.

В направлении обеспечения эффективного противодействия организованным формам преступности, в том числе бандитизму, считаем обоснованным применение к лицам, добровольно отказавшимся от преступной деятельности в составе банды, положения об освобождении от уголовной ответственности, путем создания специального примечания к ст. 209 УК РФ.

Такие лица, активно способствующие раскрытию преступлений, совершаемых или планируемых бандой, представляют единственный на сегодняшний день резерв для эффективного противодействия преступной деятельности организованных групп, в частности, банд.

Таким образом, анализ теоретических положений и практических аспектов темы приводит к выводу о необходимости внесения дальнейших изменений в законодательство в свете современных тенденций уголовной политики в РФ.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Агапов П.В., Арзамасцев М.В., Хлебушкин А.Г. Проблемы пенализации организованной преступной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 2011. № 1 (49). С. 64-70.
2. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 13 ноября 2014 г. по делу № 46-АПУ14-39 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
3. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 28 января 2015 г. по делу № 23-АПУ14-14 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
4. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 11 августа 2015 г. по делу № 78-АПУ15-27СП // Консультант плюс: справочно-правовая система.
5. Бейбулатов Б.Ш. Уголовно-правовые и криминологические аспекты организации и участия в незаконных вооруженных формированиях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2001. 50 с.
6. Бражник Ф., Толкаченко А. Бандитизм и его отграничение от смежных составов // Уголовное право. 2000. № 2. С. 32-36.
7. Бычков В.В. Состояние организованной преступности в Российской Федерации за 10 лет (2006-2015гг.) // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 2(12). С. 25-33.
8. Васильев А.М. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых организованными преступными группами с участием несовершеннолетних. Армавир.: Изд-во «Армавирская государственная педагогическая академия», 2013. 268 с.
9. Винокуров В.Н. Объект преступления и неоконченное преступление: конструирование норм Особенной части Уголовного кодекса РФ и квалификация деяний // Современное право. 2016. № 3. С. 96-98.

10. Галиакбаров Р. Разграничение разбоя и бандитизма // Российская юстиция. 2001. № 7. С. 5657.

11. Глазкова Л.В. Банда и преступное сообщество (преступная организация) как формы соучастия // Законность. 2011. № 3. С. 4547.

12. Гришко Е.А. Организация преступного сообщества (преступной организации): уголовно-правовой и криминологический аспекты: дисс... канд. юрид. наук. М., 2012. 46 с.

13. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1978. 699 с.

14. Дукарт В.П. Современный бандитизм в России: криминологические особенности // Проблемы становления гражданского общества: сборник статей III Международной научной студенческой конференции. 27 марта 2015 г. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Часть II. С. 183-185.

15. Жукова С.С. Групповое совершение преступления по англосаксонскому уголовному праву: особенности законодательной регламентации // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 151-160.

16. Закон об уголовном праве Израиля / Пер. с иврита: М. Дорфман. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2010. 253 с.

17. Закон РСФСР от 18 марта 1992 г. №2446-1 «О безопасности» (утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 15. Ст.769.

18. Ефремов А.Е. Развитие законодательства США по борьбе с терроризмом до 11 сентября 2001 года // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2. С. 97-102.

19. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 10 октября 2013г. № 81-013-33 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

20. Кизлык А.П. Вооруженный разбой: криминологические и уголовно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М, 2005. 35 с.

21. Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против безопасности общества по новому УК РФ. М. : Кросна-Лекс, 1997. 159 с.
22. Комиссаров В. С. Уголовная ответственность за бандитизм: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 194 с.
23. Кубов Р.Х. Особенности квалификации сложных форм соучастия: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М. : Бек, 2003. 33 с.
24. Куличенко Н.Н. Уголовно-правовая оценка единичного сложного преступления: дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016. 196 с.
25. Мальцев В. Ответственность за организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем // Российская юстиция. 1999. № 2. С.44-45
26. Мишин Г.К. О понятии организованной преступности и «неортодоксальных» мерах борьбы с ней: к корректировке уголовной политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2003. № 3. С. 115-116.
27. Мондохонов А.Н. Создание, руководство и участие в организованной группе // Законность. 2012. № 10. С. 36-38.
28. Нагаева Т.И. Уголовно-правовая оценка нападения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 33 с.
29. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Бобров В.К., Божьев В.П., Бородин С.В., Демидов В.В., и др.; Под общ. ред.: Лебедев В.М.; Науч. ред.: Божьев В.П. М. : Спарк, 2003. 1007 с.
30. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986. 797 с.
31. Определение Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2010г. 601-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Варлакова Александра Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 209 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 240 и статьей 285 Уголовно-процессуального кодекса

Российской Федерации // Бюллетень нотариального вестника. Сентябрь, 2010.

32. Островских Ж.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика бандитизма (по материалам Восточно-Сибирского региона): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006. 243 с.

33. Павлик М.Ю. Террористический акт, захват заложника, бандитизм: вопросы теории и практики. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2011. 372 с.

34. Павлинов А. В. Уголовное законодательство в борьбе с незаконными вооруженными формированиями // Уголовная политика: совершенствование законодательства и правоприменительной практики: Тр. Акад. упр. МВД России. М., 2000. С. 90-91.

35. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. №1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 3.

36. Приговор Хабаровского краевого суда от 24 февраля 2015 г. по делу № 2-33/15 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

37. Прокуратура Владимирской области [Электронный ресурс]: <http://vladprok.ru/vo-vladimirskoj-oblasti-vynesen-prigovor-vooruzhennoj-bandy> (дата обращения: 27.04.2020 г.).

38. Прокуратура Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]: <http://procspb.ru/news/spb/21457-vynesen-prigovor-v-otnoshenii-odnogo-iz-organizatorov-bandy> (дата обращения: 27.04.2020 г.).

39. Сальников А.В. Уголовно-правовое регулирование ответственности за бандитизм: история, современность и перспективы: дисс... канд. юрид. наук. М., 2017. 182 с.

40. Силаев С.А. Уголовная ответственность за бандитизм: история, современное состояние и перспективы // Тенденции и противоречия развития российского права на современном этапе: сборник статей IX Международной научно-практической конференции / Под ред. В.В. Гошуляка. Пенза: Приволжский Дом Знаний, 2012. С. 300-302.

41. Состоянии преступности [Электронный ресурс]: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 27.04.2020 г.).

42. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. Т. 1. Тула, 2011. 416 с.

43. Тихий В.П. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности обращения с общепасными предметами. Учебное пособие. Киев: Изд-во УМК ВО при Минвузе УССР, 1989. 79 с.

44. Туманов Г.А., Фризко В.И. Общественная безопасность и ее обеспечение в экстремальных условиях // Советское государство и право. 1989. № 8. С. 19-27.

45. Уголовный кодекс Австралии 1995 г.: Перевод с английского / Науч. ред.: Козочкин И.Д. (Предисл.), Трикоз Е.Н. (Предисл., пер.). СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 388 с.

46. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996г. №63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

47. Уголовный кодекс штата Техас: Перевод с английского / Пер.: Осипов Д.Г.; Науч. ред. и предисл.: Козочкин И.Д. (Пер.) СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. 576 с.

48. Устинова Т. Д. Квалификация преступлений против общественной безопасности: учебное пособие / Отв. ред. А.И. Рарог. М. : Проспект, 2016. 412 с.

49. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.

50. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

51. Федеральный закон от 26 апреля 2004г. №26-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и протокола о

предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 18. Ст. 1684.

52. Хаитжанов А, Горбунова К.А. К вопросу об уголовной ответственности лиц, внедренных в преступные группировки // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». Т. 2. 2012. С.91-92.

53. Харзинова В. М. Проблемы уголовно-правового регулирования и квалификации бандитизма, организации незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации): учебное пособие. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2016. 39 с.

54. Хилюта В. Как разграничить разбой и бандитизм? // Законность. - М., 2012, № 3. С. 42-43

55. Шеслер А.В. Уголовно-правовая характеристика незаконного вооруженного формирования и участия в нём. М, 2016. 268 с.